

наталья
Александрова

НАТАЛЬЯ
Александрова

Сковорода,
Блжжнелю зоя

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Ксении Щербаковой*

В оформлении серии «Следствие ведут...»
использована иллюстрация *Оксаны Мосаловой (Мошомедве)*

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга выходила под названием
«Кодекс поведения блондинки»

Александрова, Наталья.

А46 Сковорода ближнего боя : [роман] / Наталья Алек-
сандрова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-17-099074-0 (Следствие ведут...)

ISBN 978-5-17-099073-3 (Иронический детектив)

Казалось бы, счастливая семейная жизнь Василисы Селезневой в одночасье дала трещину. Муженек завел любовницу — молодую наглую коллегу по работе. Расставание вышло болезненным, не обошлось и без скандала, но здраво рассудив, что этот козел не стоит ее слез, Василиса начала жизнь с чистого листа. Однако, как поется в одной песне, «и вечный бой, покой нам только снится...». В одно прекрасное утро Василису доставили в отделение полиции, где предъявили обвинение в убийстве стервы-любовницы. Понимая, что все это чудовищное недоразумение или чей-то злой умысел, госпожа Селезнева полна решимости разобраться в ситуации и оправдать свое честное имя.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099074-0
ISBN 978-5-17-099073-3

© Н. Александрова, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Мне снилось, что я каким-то образом оказалась то ли в затерянном мире, описанном Конан Дойлем, то ли в парке юрского периода из одноименного американского фильма: будто я бегу по бескрайней равнине, заросшей густой высокой травой, а за мной гонится огромный и очень злобный тираннозавр. Он уже почти догнал меня и примеривается, как бы половчее схватить своей страшной пастью, и вдруг, о чудо, прямо передо мной возникает вход в пещеру! Я бросаюсь в спасительную тьму, но тут же спотыкаюсь, скатываюсь куда-то очень глубоко — и вдруг слышу перед собой угрожающее рычание... Неужели я угодила прямиком в логово какого-то доисторического хищника? Пещерного льва или саблезубого тигра?

Я проснулась, но легче от этого мне не стало.

Прямо надо мной нависала огромная, широко распахнутая пасть, полная страшных желтоватых зубов. В первый момент я не видела ничего, кроме этих зубов, но затем разглядела маленькие глазки, горящие, как два раскаленных угля, и огромную звериную морду в крупных складках, словно вышедшую из ночного кошмара или из фильма ужасов...

Чудовищная пасть приблизилась вплотную к моему лицу, из нее раздалось то самое грозное рычание, которое я слышала во сне, — что-то среднее между звуком форсированного мотоциклетного мотора и отдаленной грозой.

Пасть распахнулась еще шире — наверное, при большом желании я целиком могла бы в ней поместиться. Из нее вывалился огромный лиловый язык...

— Бонни, сколько раз тебе говорила — не смей лизаться по утрам! Я еще толком не проснулась...

С этими словами я отпихнула локтем зубастую пасть и попробовала натянуть на себя одеяло.

Это мне, конечно, не удалось, потому что у Бонни были на мой счет совершенно другие планы. В отличие от меня он уже проснулся, был бодр и весел и теперь хотел немного повозиться и поиграть в шумные, подвижные игры.

— Сколько времени? — спросила я недовольным тоном и завертела головой в поисках будильника.

Бонни с громким лязгом захлопнул пасть, отполз от меня и выразительно покосился на этот самый будильник.

На нем было уже восемь тридцать, так что Бонни был в своем праве.

Он привык, что в половине девятого его выводят на прогулку, и не собирался менять распорядок дня. Бонни вообще очень уважает режим, можно сказать, он — раб своих привычек.

Я тяжело вздохнула и опустила ноги на пол.

Бонни радостно взвизгнул и тоже скатился с кровати, представ передо мной во всей своей красе.

Бонни — бордоский дог красивого песочного цвета.

Бордоские доги вообще очень крупные собаки, но Бонни вымахал великаном даже для своей породы. Его с трудом приняли на собачью выставку. Так, по крайней мере, говорил его прежний хозяин, Борис Алексеевич Ланский.

Именно от него я несколько месяцев назад унаследовала Бонни.

Борису и его жене Нелли нужно было срочно уехать за границу, и они наняли меня, чтобы я пару недель посидела с собакой. Из той роковой поездки они не вернулись, и мы с Бонни остались вместе навсегда. Впрочем, это совершенно другая история¹. А сейчас мне нужно срочно отправляться с псом на прогулку, а то он уже дает мне понять, что больше ждать не в состоянии! Притворяется, конечно, но сегодня, несмотря на начало октября, стоит удивительно хорошая погода — золотая осень, поэтому Бонни можно понять. Он обожает бегать по газонам, усыпанным желтыми кленовыми листьями, его приятный песочный колер очень гармонирует с осенней гаммой.

Я торопливо натянула старые джинсы, свитер, ветровку и, зевая и потягиваясь, поплелась в коридор.

По лестнице мы сбежали в хорошем темпе, внизу Бонни даже не задержался возле статуи богини Фемиды, которую он обычно норовил описать (была у него такая странная привычка). Дом, в котором мы сейчас живем, — старый, как и многие дома на Васильевском острове, но хорошо отремонтирован, квартиры в нем дорогие, на первом этаже большой холл, выложенный плиткой, посередине — статуя Фемиды, сохранившаяся с позапрошлого века. Бонни пес не

---

¹ Читайте роман Н. Александровой «Бородатая женщина желает познакомиться».

слишком хулиганский, но на Фемиду регулярно пытается поднять лапу. Никакого почтения к богине правосудия!

В этот раз я была начеку, и всего через пятнадцать минут мы уже двигались к нашему обычному месту прогулок — к зеленой зоне на берегу реки Смоленки. Это единственное место в округе, где окрестные собаки могут вволю побегать и обменяться последними новостями.

Однако мы не успели дойти до собачьей площадки, как случилось самое страшное, то, чего я всегда больше всего боялась, — на пути Бонни попалась кошка.

Самая обыкновенная полосатая помойная киса гордо и неторопливо шествовала поперек тротуара с видом по меньшей мере герцогини в изгнании. Правда, заметив Бонни, она возмущенно фыркнула и немного прибавила шагу.

Пес изо всех сил дернул поводок, я не удержала его, выпустила... и Бонни скрылся в ближайшей подворотне следом за нахальной киской!

Я схватилась за голову: бежать за бордоским догом — дело совершенно безнадежное, это под силу лишь олимпийскому чемпиону по бегу на короткие дистанции.

Оставалось только ждать, пока ему самому надоест гонка по дворам и он вернется ко мне, усталый, но довольный. Во всяком случае, так было до сих пор.

К счастью, совсем рядом на бульваре стояла удобная скамья, и я уселась на нее, подставив лицо ласковым лучам осеннего солнышка.

В конце концов, думала я, Бонни непременно вернется, а я пока немного передохну и приведу в по-

рядок свои мысли... Давно пора серьезно подумать о дальнейшей жизни.

Однако не тут-то было. Прошло всего несколько минут, и вдруг рядом со мной на скамейку опустился мужчина с довольно неприятным лицом, в мятых темных брюках и серенькой курточке.

«Ну вот, — подумала я раздраженно. — Стоит только расслабиться, обязательно появится какой-нибудь козел и начнет вязаться! Как будто вокруг мало свободных скамеек!»

Действительно, незнакомец придвинулся ко мне и повернулся, явно намереваясь вступить в разговор.

Я, в свою очередь, приготовилась его красиво отшить.

Однако первые же его слова повергли меня в шок.

— Гражданка Селезнева? — сурово осведомился незнакомец.

— Да, — растерянно ответила я, — это я... а вы кто такой и что вам от меня нужно?

— Капитан милиции Творогов! — заявил незнакомец и предъявил мне служебное удостоверение. — А это — капитан Бахчинян! — И он показал на кого-то за моей спиной.

Я обернулась и увидела, что с другой стороны от меня на скамейку сел смуглый горбоносый брюнет в светлом плаще.

— И что же вам обоим от меня нужно?

— Вам придется пройти с нами в отделение милиции, — ответил первый капитан. — Там мы вам все объясним.

— А здесь вы не можете мне это объяснить? — упорствовала я. — И вообще, я жду Бонни...

— Что ты с ней церемонишься, Никитич? — вступил в разговор второй капитан. — Гражданка Селез-

нева, вам придется пройти с нами! Вы арестованы по обвинению в тяжком преступлении!

— В каком еще преступлении? — Я в полном изумлении уставилась на грубого брюнета. Все происходящее казалось мне дурацкой шуткой. Кстати, совершенно не смешной.

— В убийстве! — брякнул Бахчинян.

— В убийстве?! — ошарашенно повторила я.

Теперь это казалось не шуткой, а дурным сном. Сейчас эти два капитана исчезнут, как утренний туман, растворятся в сладковатом осеннем воздухе, и я проснусь в своей собственной постели...

— Ну, ты спешишь, Тиграныч... — недовольно проговорил первый капитан. — Во-первых, она пока не арестована, а задержана, во-вторых, Елизавета Петровна будет недовольна, она хотела сообщить Селезневой, в чем ее обвиняют, в более подходящей обстановке...

— Один черт, — отмахнулся Бахчинян. — Она все равно будет недовольна... Короче, поехали!

Он поднялся со скамейки и рывком поднял меня.

Я поняла, что все это вовсе не шутка и уж точно не сон. В серьезности происходящего меня убедил спокойный рассудительный голос капитана Творогова.

Возле нас остановилась машина, дверцы ее распахнулись, и меня усадили на заднее сиденье.

— А как же Бонни? — пролепетала я, выглядывая в окно.

Но мне никто не ответил. И тут я весьма кстати вспомнила, что не успела рассмотреть ничего в красной книжечке, что небрежно сунул мне под нос капитан Творогов. А может, он и не капитан вовсе? И вообще не из милиции? Ведь даже СМИ предупреждают, что кругом полно преступников, выдающих себя за

представителей милиции... Подошли на улице, сунули в нос какое-то удостоверение, схватили, запихнули в машину. Откуда они вообще знали, что я — это я? И куда меня сейчас везут? Может, это похищение? И как же Бонни? Он вернется, а меня нет... Сам виноват, нечего было убежать, рассердилась я.

Ехали мы недолго и вскоре остановились перед обшарпанным трехэтажным зданием блекло-розового цвета на одной из линий Васильевского острова. Меня вывели из машины, провели в дверь, далее — по узкому полутемному коридору, в котором стоял неистребимый запах масляной краски, и втокнули в небольшой кабинет, где за широким столом, заваленным многочисленными картонными папками и блокнотами, сидела молодая женщина со светлыми, коротко стриженными волосами и глазами, холодными и прозрачными, как две льдинки.

Что ж, мои опасения насчет фальшивых милиционеров не подтвердились, меня привезли явно в кабинет следователя. Но вот хорошо это или плохо, я определить затруднялась.

— Вот, Елизавета Петровна, мы доставили подозреваемую... — проговорил капитан Творогов, подталкивая меня к столу, и я поняла по его неуверенному голосу, что он очень боится этой светловолосой мымы.

— Свободны, — процедила блондинка ледяным голосом, и обоих капитанов как ветром сдуло, мы с ней остались одни.

Блондинка, однако, меня полностью игнорировала. Она вытащила из папки толстую пачку бумаг и стала деловито их перелистывать. Я всполошилась — не на меня ли заведено такое толстое дело? Вроде бы столько преступлений и за всю жизнь не со-

вершить. Блондинка нашла нужный лист и перечитала его, внимательно сощурившись, после чего взяла ручку и аккуратно вписала в текст одно слово. Я привалилась к двери, внезапно почувствовав себя нехорошо. С утра не позавтракала, а тут еще нервотрепка с милицией. Блондинка покосилась на меня, но ничего не сказала, аккуратно убрала бумаги в папку и раскрыла другую. Я вытянула шею и увидела, что там страниц всего ничего. Похоже, настал мой черед.

— Сразу признаетесь? — Блондинка будто мне в душу уставилась своими ледяными глазами.

— В чем? — проблеяла я, чувствуя, как от этого взгляда меня сковывает арктический холод.

— Только вот не надо этого! — Блондинка повысила голос, и он заскрежетал, как заржавленное железо на морозе. — Только не надо изображать оскорбленную невинность! Вы отлично знаете, в чем виновны! И признание вины — единственное, что может хотя бы немного смягчить вашу участь!

Я попыталась взять себя в руки. Какого черта? Почему я позволяю этой замороженной рыбе кричать на меня? Почему я так перед ней трушу? Я не чувствую за собой никакой вины...

— Ни в чем я не виновна! — огрызнулась я, придвинувшись к столу на полшага. — И до сих пор не знаю, почему меня сюда привезли! Не имею ни малейшего представления.

Блондинка опустила глаза, что-то прочитала и спросила меня прежним ледяным голосом:

— Вам знакома гражданка Кочетова?

— Первый раз слышу!.. — фыркнула я.

— Вот как? — Блондинка явно оживилась. — Значит, сознательно вводим следствие в заблуждение? Сообщаем заведомо ложную информацию? У нас

имеются многочисленные свидетели того, как вы пять дней назад ссорились с упомянутой гражданкой в ресторане «Семь слонов» и угрожали ее убить!

Девушка подняла на меня глаза и следила за моей реакцией, как кот следит за растерянной мышью.

— Ах, так это вы про Ольгу! — спохватилась я. — Ну да, я ее, конечно, знаю... Ольга Кочетова, еще бы мне ее не знать... Я просто фамилию забыла...

Да, действительно, еще бы мне не знать любовницу моего собственного мужа, из-за которой он вместе со своей мачехой подло выгнал меня из собственного дома! Конечно, следовало бы говорить «бывший муж», но пикантность ситуации заключается в том, что мы с ним еще не разведены, так что с этой самой Ольгой они живут, как говорили раньше, в грехе.

— Очень хорошо! — проскрипела блондинка. — Значит, память к вам понемногу возвращается! Вы уже вспомнили, что знаете гражданку Кочетову... так, может быть, заодно вспомните и то, как вы ее убили?

— Убила? — Тут я отвесила челюсть, ноги у меня подогнулись, и я шлепнулась бы на пол, если бы рядом не оказалось стула. Теперь я сидела напротив следовательши, и ее ледяные глаза оказались еще ближе ко мне.

— Я вам, кажется, пока не предлагала сесть, — процедила та. — Впрочем, раз уж сели, сидите. Итак, вы признаете, что убили гражданку Кочетову О.П.?

— Нет, конечно... — выдохнула я. — Не буду говорить, что сильно расстроена ее смертью, но не имею к этому никакого отношения... А ее точно убили?

Во всем происходящем появился хоть один светлый момент.

— Где вы были в момент убийства? — спросила блондинка, пристально следя за мной.

— А когда ее убили? — переспросила я, с трудом осознав, что последний вопрос был ловушкой.

— Вопросы здесь задаю я! — отрезала блондинка.

— Тогда и отвечать на них будете сами! — огрызнулась я.

Девушка отложила ручку и сверлила меня глазами. Очевидно, таким взглядом смотрела на окружающих Снежная королева, после чего все птички и мелкие зверюшки падали к ее ногам замороженными тушками, а у мальчика Кая заледенело сердце.

Однако со мной такой номер не прошел — хоть ноги жутко замерзли и пульс замедлился, все же организм продолжал функционировать. Следовательно и сама, верно, поняла, что от моего замороженного тела ей проку не будет, поэтому первой отвела глаза.

Я увидела у нее на столе табличку с именем — Елизавета Петровна Кудеярова. Так вот о ком говорил капитан Творогов! Если уж ее даже коллеги боятся...

— Все же могу я узнать, как ее убили? — повторила я.

— Можете, — неожиданно смилостивилась Елизавета Петровна. — Только сначала скажите, знаком ли вам данный предмет?

И точно так же, как балаганный фокусник вытаскивает из шляпы самые неожиданные предметы, от скромных букетов до кур-несушек и кроликов породы «белый великан», гражданка Кудеярова вытащила из ящика стола прозрачный полиэтиленовый пакет, в котором лежала самая обычная садовая тяпка с короткой ручкой.

— Ну да, — растерянно проговорила я, — это тяпка... обыкновенный садовый инструмент...

— Именно этим, как вы выразились, обыкновенным садовым инструментом была убита гражданка

Кочетова! — заявила блондинка торжествующим голосом. — Семиухов!

— Что? — переспросила я, не расслышав последнее слово.

Впрочем, я тут же поняла, что оно относилось вовсе не ко мне.

Из угла кабинета вынырнул хлипкий низкорослый мужичок, которого я до сих пор не заметила. Впрочем, мне было не до того, суровая гражданка Кудеярова настолько завладела моим вниманием, что больше ничего и никого я не замечала.

Невзрачный Семиухов безмолвно подошел ко мне, положил передо мной на стол коробку с чем-то густым и черным, завладел моей правой рукой и, по очереди вымазав в этом черном пальцы, оттиснул их на белом картонном прямоугольнике. Потом он повторил такую же операцию с левой рукой.

До меня все доходило медленно, как до жирафа, но тут я сразу поняла, что у меня берут отпечатки пальцев.

— Можете не стараться, — сказала я, подняв глаза на Елизавету Петровну. — На этой тяпке наверняка будут мои отпечатки.

Дело в том, что я узнала свою тяпку. На ее ручке была очень характерная царапина, отдаленно напоминающая букву «М». Этой самой тяпкой я собственноручно взрылила и перекопала каждую клумбу, каждый цветник в саду...

Вспомнив свой любимый сад, я еще больше расстроилась. Сейчас там наверняка цветут поздние георгины, астры, алеет японский клен... пора укрывать на зиму розы, а этим без меня явно никто не озаботится...